

ком», — остро заметил в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь.

Но важно видеть, что у Крылова стала решительно меняться при этом самая природа старого жанра. Привычная басенная мораль больше уже не охватывала и не исчерпывала собою содержание басни. Иногда она даже вовсе уходила. Но и оставаясь, лишь подчеркивала, как не может быть сведено ни к какому итогу-нравоучению все, что в басне происходит. Л. С. Выготский в своей «Психологии искусства» (да и другие исследователи) уже обращали внимание на то, что в «Стрекозе и Муравье» оказывается невозможно утвердить здравомыслие и трудолюбие Муравья и осудить живущую иначе, чем он, Стрекозу, и морали здесь нет вовсе. А «Волк и Ягненок» словами «Но мы Истории не пишем, // А вот о том, как в баснях говорят» прямо отказывается отождествить художественный сюжет с до- и внехудожественными представлениями. Басня здесь словно бы сама указывает на то, что в ней возникает и нечто, чему не подыскать удовлетворяющих определений и обозначений и чему она в себе же самой как бы просто дает место и возможность проявиться. Впущенная в произведение жизнь обращалась в свободную жизнь самого произведения, снося на своем пути всякий канон.

За «Горем от ума» Белинский не признал собственно художественной природы и обнаружил тут лишь «плод усилия сатиры стать комедией». То есть он считал, что намерение, заданная цель, хоть и тяготея здесь собою и пытаются уступить дорогу драматическому взаимодействию характеров, лиц, сохраняют все же свое главенство.

Многое Белинским было схвачено верно. «Горе от ума» первоначально называлось «Горе уму», и это заглавие сразу же задавало резкое и четкое исходное разграничение всех персонажей на безупречных приверженцев у м а и тех, кто у м у противостоит. В пьесе одни могли быть только возвышены, другие — только высмеиваться. Следы подобной назначенности, бесспорно, есть и в последней редакции вещи³.

Однако и Грибоедов, переступив через готовое, предшествовавшее самому произведению построение, вышел к реальной многосложности действительных отношений между своими современниками. И тут оказывалось, что носитель и знаменосец у м а Чацкий выглядит смешным, когда полагает, что, не находя в Молчалине у м а, Софья и любить его не может. Самостоятельность личности предстает не только в Чацком, но и совсем по-другому в Софье, к началам у м а отнюдь не приверженной. Комедия получила иное, окончательное свое название, где у м поставлен уже не только высоко, но совсем не исключен и иронический взгляд на него.

И в противовес изначальному неподвижному и почти терминологическому понятию об у м е как совокупности самых безусловных достоинств человека из повседневности жизни и свободно захватывающего движения пьесы приходило и совсем другое, житейское его восприятие Фамусовым:

Пофилософствуй — ум вскружится;

То бережешься, то обед:

Ешь три часа, а в три дни не сварится!

И. В. Киреевский однажды заметил, что у просветителей никакое из слов «не имело значения с а м о б ы т н о г о»: каждое получало смысл только из отношений к прежнему веку. Под с в о б о д о ю понимали единственно отсутствие прежних стеснений; под ч е л о в е ч е с т в о м разумели единственно материальное большинство людей... царством р а з у м а называли отсутствие предрассудков, или того, что почитали предрассудками». О сентименталистах и романтиках он дальше говорил, что они «на всю действительность набрасывали однообразный цвет исключительно

³ См. об этом: *Белинский Я. С.* На повороте истории, на повороте литературы. (О комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»). — В сб.: *Русская классическая литература. Разборы и анализы.* М., «Просвещение», 1969.